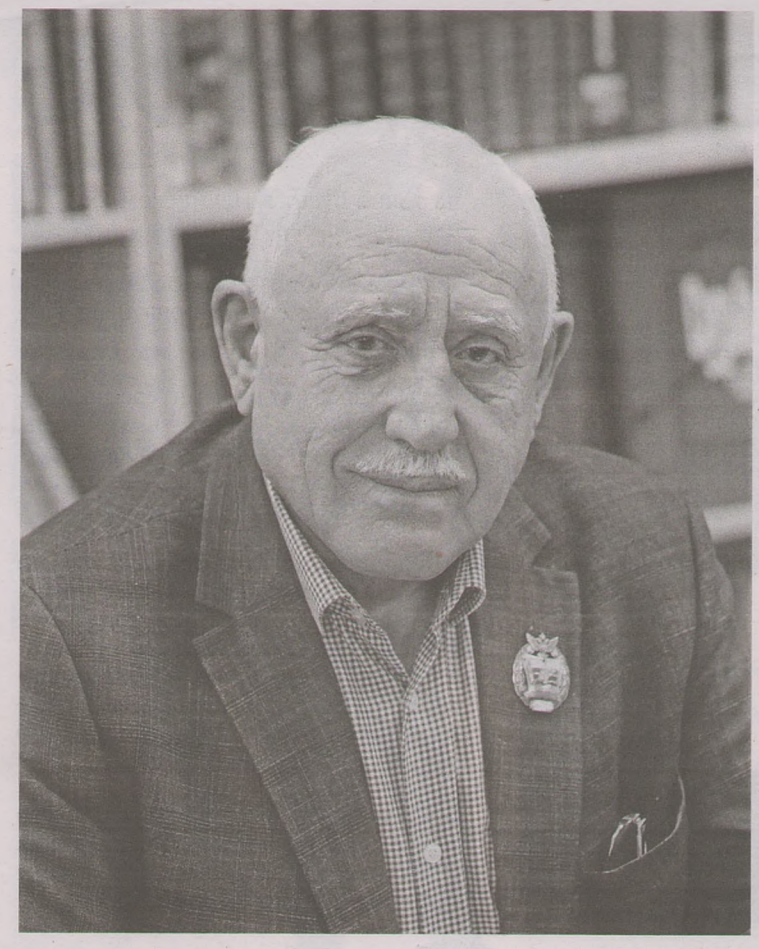

Эпоха многоточий Мамеда Халилова

65-летие председателя Ярославского отделения Союза писателей России Мамеда Халилова и выход его новой книги – хороший повод побеседовать с русским литератором о Родине, поэзии и времени в Год единства народов России.

Светлана Парсегова. Фото Сергея Белякова

Уроженец Дагестана, он считает Ярославскую область второй родиной. Работал строителем, зоотехником, возглавлял колхоз в Первомайском районе, создавал агроконсорциум «Ухтома», а в девяностых вместе с братьями основал агропредприятие. Но где бы ни работал, в душе оставался поэтом. Первая книга «Письмена на базальте» вышла в 2011-м, через два года – «Повесть неоконченная гор», а за сборник «Дом окнами на восток» писатель получил областную премию имени Ивана Сурикова.

Мамед Халилов рассказал «Северному краю» о детстве в горах, комсомольской юности, лихих девяностых и главное – о культуре и истоках русского патриотизма.

– Мамед Гаджихалилович, давайте с самого начала. Где вы родились, каким было ваше детство?

– Родился в высокогорном селении. Потом родители переехали – была программа переселения горных народов, нужна была рабочая сила на виноградники, на освоение равнинных земель. Отец был прекрасным строителем, каменщиком. А еще имел великолепную память. Помнил практически всю азербайджанскую и персоязычную поэзию, запоминал с одного раза. В советское время по радио в обеденный час передавали стихи – он лежал, слушал, и не дай Бог было ему помешать.

– На каком языке говорили у вас дома?

– На нашем катрухском наречии. Это интересный языковой феномен: примерно 60% тюркская основа, 20% – лакская, 15% – арабская и еще 5% из соседних лезгинских языков. У нас не работает закон сингармонизма гласных, обязательный для тюркских наречий, – язык преобразован по законам лакского. Даже ученые из Дагестанского филиала Академии наук приезжали к нам изучать этот феномен!

– Вы русский язык когда освоили?

– В школе. В семь лет пошел в русскую школу, и буквально через четыре месяца уже читал по-русски. Мне легко давалось образование. К четвертому-пятому классу я уже бегло читал и по-русски, и по-азербайджански. Дома у нас собирались женщины, и я читал им азербайджанский эпос «Кероглы».

– А когда сами начали писать?

– Первое стихотворение написал где-то в седьмом классе, по-русски. Учительница, лезгинка, хотела его опубликовать, но я не дал. И сейчас доволен, что не дал – уже тогда чувствовал, что это не тот уровень.

Вообще очень долго не мог определиться, куда пойти, какую профессию выбрать. Жизнь была бурная, метался между математикой, физикой и литературой. Поступал на философский факультет Ленинградского университета. Не прошел по конкурсу – нужен был двухгодичный стаж, да и английский язык подкачал, сельская школа все-таки. Но я к тому времени уже много читал. В седьмом классе прочитал Долорес Ибаррури, правда, не все понял, но с того момента меня эта тема почему-то захватила. Был секретарем комсомольской организации школы с седьмого класса, награжден серебряным знаком ЦК ВЛКСМ.

– И все-таки в Ленинграде не остались?

– Понял, что не вытяну материально. Я старший в семье, нас у родителей шестеро было, трое братьев и трое сестер. Отец больной, мать с диабетом. Поехал в Сибирь зарабатывать деньги, пытался поступать в вуз в Свердловске, потом оказался в Калужской области, а оттуда приехал в Ярославль, где учился двоюродный брат. Здесь поступал в сельхозакадемию, но не столько учился, сколько работал – бригадиром, управляющим, чтобы самому себя содержать и домашним помогать.

По окончании учебы сам попросился в самое сложное место – в Первомайский район. Работал в совхозе «Маяк» управляющим отделением. А в 1986 году меня направили возглавить колхоз «Новый путь» в том же районе. Там было тяжелое положение: кормов нет, скотина голодает. В райкоме сказали: если откажешься, с партийным билетом придется расстаться. Пришлось ехать.

Приехал – соломы нет, коровы уже практически обессиленные лежат. Всю зиму героически спасали скот. К весне выкарабкались, а в 1988 году создали агроконсорциум «Ухтома» – объединение шести колхозов и промышленных предприятий Ярославля, шинного завода, завода АТИ. Они нас обеспечивали ресурсами, мы им поставляли мясо и молоко. Но в 1991 году облисполком программу закрыл – предприятия начали уходить в частные руки.

– А потом были девяностые, Дагестан…

– Да, пригласили меня в Дагестан спасать крупное хозяйство, которое пытались рейдерски захватить. Председатель райисполкома, прекрасная женщина, нашла меня через наши областные структуры. Я поехал. Стал коммерческим директором, потом руководителем. Работать спокойно не давали – время было такое. Но я сделал главное – рассчитался с долгами, с людьми, которые буквально голодали. Потом вернулся сюда, вместе с братьями организовал малое агропредприятие «Альянс», оно и сейчас работает.

– Мамед Гаджихалилович, когда же вы с таким темпом жизни вернулись к литературе всерьез?

– Где-то до 2009 года я писал в стол, делал заготовки, заметки, стихи. Там, в Первомайском районе, познакомился с поэтом Валерием Мутиным, он приносил мне свои книги, спрашивал мнение. Помню, в 2009 году в Музее леса в Пречистом проходила презентация книги одного из ярославских поэтов. Там как водится: все хвалят, а я взял и жестко раскритиковал. Это произвело впечатление, и местные писатели и поэты пригласили меня в свой круг, предложили издаваться. Так, в 2011 году я издал свою первую книгу «Письмена на базальте» – торопливую, сырую, но, на удивление, ее заметили даже в Москве.

Потом пошли другие книги, в 2013-м вступил в Союз писателей, в 2014-м получил билет и был номинирован на премию Сурикова. С тех пор так и работаю, в том числе перевожу поэзию. С башкирского, с дагестанских языков – аварского, лезгинского, рутульского.

Сейчас работаю над переводами дагестанской классики – великого поэта Кюр Раджаба Ихреки, середины XVIII – начала XIX века. Он известен в Азербайджане, Грузии, Дагестане, а в России почти не знаком. Вообще читаю на 20 языках.

– Как рождаются стихи?

– Это спонтанная вещь. Сидишь – и вдруг пишешь. Не объяснить. Самое легкое – когда пришло, записал. Самое сложное – потом иметь усидчивость, знания, чтобы обработать, довести до ума, отличить хорошее от плохого. К профессиональному пониманию текстов я пришел довольно поздно, годам к двадцати.

– Вы уже несколько лет возглавляете Ярославское отделение Союза писателей…

– Меня избрали в девятнадцатом году, когда организация была на грани распада. Я согласился на год – сказал: «Постараюсь укрепить, а дальше кто-нибудь пусть занимается». Вот седьмой год уже занимаюсь.

– Кто стремится вступить в Союз?

– Множество людей, молодых, зрелых, разных. Но требования у нас жесткие. Сначала коллеги рассматривают, пишут рецензии, потом приемная комиссия. Обязательно должна быть книга, профессионально изданная. Рекомендации от трех членов Союза писателей России, которые состоят в организации не менее пяти лет. Есть творческий совет – очень известные ярославские авторы: Анатолий Смирнов, Алексей Серов, Лариса Желенис, Сергей Карамышев, Владимир Мартышин.

Важно не только качество произведений, но и характер, вклад в общественную деятельность. Нет смысла принимать человека, который будет

сидеть кротом и только раз в пять лет юбилей справлять. Он должен встречаться с читателем, выступать, нести общественную нагрузку. Сейчас мы – негосударственная организация, председатель зарплату не получает. Поэтому нужно всем вместе впрягаться.

Молодежь сейчас замечательная, активная. Работает Совет молодых литераторов при Союзе писателей. Очень оживленно в Рыбинске – там музей литературный, само звание «Литературный город России» Рыбинск получил в 2022-м за совокупность заслуг. Открыли там кафе, место памятное, связанное с историей русской литературы. Несколько лет занимались, оно стало известным по всей стране.

В Рыбинске два лито: для молодых (руководит Людмила Симонова) и для тех, кому за сорок (Сердар Амангельдыев). В прошлом году мы решили, что потенциал свой они раскрыли, надо идти дальше – и объединили Рыбинский и Ярославский советы молодых литераторов. Теперь у нас один Ярославский СМЛ при Союзе писателей. Его возглавляет Илья Карамышев, преподаватель университета, кандидат философских наук.

Плюс объединения – в том, что соединилась рыбинская публичная, событийная часть с ярославской внутренней, творческой составляющей. Теперь будем развиваться комплексно и профессионально – и медийности учиться, и к читателю выходить.

В Ярославле Юлия Охапкина ведет литературную студию в библиотеке Лермонтова. Молодежь пошла активнее, когда увидела результаты. Вообще Ярославль в этом отношении интересен – много неформальных литературных объединений, не вписанных ни в какие структуры. Наша задача – находить талантливых ребят, развивать их творчество, делать их известными и успешными.

В середине марта проведем межрегиональное совещание молодых литераторов. Это будет стратегическое событие – определим вектор развития работы с молодежью. Нам поручено разработать программу выстраивания молодежной политики в новых условиях, после поручения Президента России. Мы ее разработали, готовимся презентовать.

– Что для вас самое главное сегодня?

– Я счастливый человек, потому что где бы ни был – в Ярославле, в Дагестане, в Башкирии, в Крыму, – я чувствую органическую связь со страной. Поколения моих предков воевали за нее, проливали кровь, мы строили эту страну. Я сторонник русской цивилизации, в которую органично вписаны все народы России. Мы – цивилизация!

– И последний вопрос. Мамед Гаджихалилович, вы ощущаете свой возраст?

– Да. С возрастом приходит не усталость, а примирение. Начинаешь понимать многовекторность времени, не обвиняешь время и людей, а обвиняешь себя, что не вписался. Но внутри мы все те же: когда больно – плачем, когда весело – смеемся. Просто слишком много внимания стали обращать на внешние эффекты, на оболочку. Не зря моя новая книга называется «Эпоха многоточий»...◆